

***О СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ И ПОЗИЦИИ ПИСАТЕЛЯ
В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА***

Седегов В. Д.

Поэтика произведений А.П. Чехова постоянно привлекает внимание исследователей, особенно молодых. Связано это, несомненно, с проблемой интерпретации и прозы, и особенно - чеховских пьес. Острыми и по - прежнему не решенными остаются проблемы мировоззрения писателя и, конечно, отношения к общественно-политическим событиям его времени. Исследование поэтики может помочь в решении этих проблем.

В настоящей работе рассматривается связь системы персонажей с содержательным уровнем произведения и роль отдельного персонажа в сюжете с целью выявления авторского замысла и отношения к поднятой им проблеме.

Рассказ «Дуэль» был опубликован в 1891 г., но сюжет его начал складываться ещё в 1887 г. Этот год интересен ещё и тем, что Чехов посетил Таганрог, где незадолго перед тем была разгромлена народовольческая типография и конфискован последний номер журнала «Земля и воля»; об этом событии земляки не могли не рассказать писателю.

Суть рассказа «Дуэль» - естественно, не изображение интимных проблем Надежды Фёдоровны и финансовых - Лаевского. По несколько страниц кряду писатель отводит изображению философских, идеологических и научных взглядов фон Корена, с одной стороны, и нравственной опустошенности, паразитической сущности его противника - Лаевского. Идеология фон Корена опирается на достижения науки, он не сомневается в их абсолютной истинности.

Понятно, не типы интересуют Чехова: подобные, хотя бы в вариантах, в литературе уже встречались. Только что вернувшись с Сахалина, работая над книгой «Остров Сахалин», Чехов не мог не думать о проблемах общественных, совсем недавно сотрясавших Россию.

За Лаевским просматривается очень значительный общественный слой, обладающий реальной силой, которой, правда, нет у самого Лаевского. А за фон Кореном...Казненным террористам-народникам несть числа. Их идеи, в которые они верили беспредельно, основывались, по их мнению, на неопровержимой науке. Фон Корен - не террорист, но насилие как средство прогресса - основа его идеологии.

Какова же позиция Чехова?

При сопоставлении системы персонажей с событийным уровнем рассказа обнаруживается, что у каждого персонажа в развитии событий своя собственная роль, а вот дьякон - в большей степени - статист, и как дьякон, духовное лицо, - необычен: молод, жизнерадостен, невероятно смешлив и в то же время готов подумать о миссионерстве. Какой-то «несерьёзный» дьякон.

Вот он-то и выступает в рассказе своеобразным образом-подсказкой, позволяющей предположить отношение автора к «дуэли», кровавой дуэли двух общественных сил.

По воле автора именно дьякон спасает Лаевского от смерти. Единственный поступок дьякона в рассказе - это «отчаянный его крик» перед выстрелом фон Корена: «Он убьёт его!» И пуля лишь обожгла шею Лаевскому.

Идеологии фон Корена Чехов противопоставляет идеологию дьякона: «не убий». И побеждает даже не вера, а поступок, «дело». Без дела вера мертва.

В конце рассказа Чехов использует образ дьякона с целью ещё раз высказать авторское мнение.

Фон Корен от своей идеи физического уничтожения слабых и вредных не отказался. Он признал, что ошибался в Лаевском, ошибался лишь в частном. И всё же в общефилософском плане готов сделать некую уступку, признав, что «никто не знает настоящей правды». Лаевский согласен, он подхватывает и развивает эту мысль. Глядя на лодку, в которой должны доставить фон Корена на судно, видя, как борются гребцы с волнами, он думает: «В погоне за правдой люди делают два шага вперёд, шаг назад...И кто знает? Может быть, доплывут до настоящей правды...»

Как бы отвечая на эти раздумья, звучат заключительные слова в рассказе, принадлежат они опять же дьякону: «Не видать и не слышать... Счастливого пути!»

Дьякон «настоящую правду» знает.

Можно предположить, что Чехов не видел той идеи, утверждать которую следовало бы насилием, тем более - кровопролитием. А единственная «настоящая правда» была сформулирована давным-давно, и в существовании какой-то другой дьякон, по мнению Чехова, впрямь был сомневаться.

«Рассказ неизвестного человека» был опубликован двумя годами позднее, в 1893 г., а родился он из того же сюжета, который послужил основой для «Дуэли». Неизвестный - один из многих, кто вёл конкретную борьбу с миром Орловых, борьбу кровавую, и расплачивались его соратники собственными жизнями. Так что в этом рассказе - дуэль не двух конкретных лиц, а двух социальных групп, и дуэль эта должна была решить судьбу России.

Чехов подробно рисует мир Орловых: цинизм, отсутствие веры во что бы ни было, равнодушие к любой проблеме - государственной, религиозной, личных отношений, ирония по любому поводу. Комфорт и удовлетворение личных потребностей - вот необходимые условия их существования; они это имеют и другого не хотят. Они ничего не совершают, знают это и махнули на всё рукой.

Их противника Чехов изображает в момент его крушения. В начале он, дворянин, флотский офицер в прошлом, идёт в лакеи к Орлову, чтобы подобраться к его отцу, видному сановнику. Но очень быстро, причины тут не так важны, активность его улетучивается, он отказывается от самой идеи борьбы. К началу 90-х годов народническое движение затухало, стала ясна бесперспективность террористической деятельности.

Высказался ли Чехов по этому поводу?

Позицию Чехова «подсказывают» сразу два образа. Первый - Зинаида Федоровна. Неважно, по какой-то причине она уходит из лагеря Орлова в лагерь неизвестного: «вербуйте меня», и решения своего не меняет до самой смерти. И в гибели её объективно - так строит сюжет автор - виноват неизвестный: он увлёк её идеей борьбы, в которой разочаровался сам. Объективно в противоборстве двух сторон гибнет безвинный.

В литературе спорили: ренегат или не ренегат неизвестный. Не в этом, наверно, суть. Борьба стала бессмысленной, и гибнут - невинные. Вот, видимо, мысль, которую хотел высказать Чехов образом Зинаиды Федоровны.

Есть и ещё один образ - подсказка. Он появляется на одно мгновение и в самом конце рассказа - дочь Орлова и Зинаиды Фёдоровны - двухлетняя Соня. Судьбу Сони решали неизвестный и Орлов. Подробности Орлов сообщил неизвестному в письме. Вот последние строки рассказа: «Я читал это письмо, а Соня сидела на столе и смотрела на меня внимательно, не мигая, как будто знала, что решается её участь».

Будущее России зависело от результатов предстоящего ещё единоборства: затухающая борьба начала 90-х годов не сулила долгого мира, и это, вероятно, предчувствовал Чехов.

Образ - подсказка имеет иногда в прозе Чехова прямо-таки эпизодический характер, сохраняя при этом определяющее значение.

О рассказе «Чёрный монах» написана масса работ. Большинство исследователей разделились на «ковринистов» и «песоцкистов», и каждый, приводя достаточно убедительные аргументы, утверждал свою точку зрения на авторскую позицию в рассказе.

Анализ системы персонажей побуждает обратить внимание на один, едва заметный образ, существующий только в легенде, пришедшей на ум Коврину. Когда-то по пустыне шёл монах в чёрном. От него родился мираж. От миража - другой мираж и т. д. Коврин видит, как этот мираж возвращается откуда-то из космоса в образе чёрного монаха.

У истоков - монах в чёрном. Коврин встречается с чёрным монахом. Когда-то М.Л. Семанова обратила внимание на то, что белым монах не может быть, монах принадлежит к чёрному духовенству. И возникает вопрос, можно ли назвать монаха чёрным, не придавая этому слову вполне определённого смысла? Тем более вынести это словосочетание в заголовок рассказа?

Мираж, по определению толковых словарей, это оптическое явление, состоящее в том, что невидимые, находящиеся далеко за горизонтом предметы, отражаются в преломлённой форме в воздухе. Это в прямом смысле. А в переносном - обманчивый призрак, иллюзия чего-нибудь, что-нибудь созданное воображением, не соответствующее действительности.

Истомлённый путник, увидев в пустыне мираж и последовав за ним, непременно погибнет, тем более, если направится к нему сознательно. Коврин сознаёт, что чёрный монах - иллюзия и все же следует за ним. И движет им эгоистическое, сладкое чувство избранничества, вместе со смутной мечтой осчастливить человечество. Гибель неминуема.

Песоцкие тоже последовали за миражом. Им, с их неопределённым будущим, хотелось видеть в Коврине тот счастливый оазис, где будут решены все их проблемы и осуществятся надежды.

«... Я приняла тебя за необыкновенного человека, за гения, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшим...» - пишет Таня Коврину. Умирает Песоцкий, погибает сад, раздавлена Таня.

Виноват, естественно, не мираж. Так устроен мир, что миражи - в пустыне или в воображении людей в виде заманчивых идей - возникали и будут возникать. Беда не в них. Беда тем, кто слепо поверит им, пойдёт за ними и увлечёт за собой других.

Вот, думается, мысль к которой пришёл Чехов, наблюдая развитие общественных отношений в России в 80-х, начале 90-х годов.

Исходя из анализа названных трёх рассказов, можно предположить, что Чехов не только не сочувствовал левому радикальному крылу так называемого освободительного движения, но не видел и той плодотворной идеи, которая могла бы послужить позитивным преобразованиям России.

Значит ли это, что Чехов принимает тот мир, в котором жил? Разумеется, нет. Он даёт убийственную характеристику абсолютно бесперспективному миру Орловых, предупреждает об опасности примитивного толкования достижений науки, решения идеологических споров насилием, называет гибельным сумасшествием увлечение идеями-миражами.

Углублённое исследование поэтической системы Чехова приоткрывает новые возможности интерпретации его произведений.